

Анна Тордеева

*Антология
рифм*

to be continued...

Анна Гордеева

Антология рифм. To be continued...

«Издательские решения»

Гордеева А.

Антология рифм. To be continued... / А. Гордеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900381-2

Третья книга стихов, в которой собраны новинки 2017 года, а также
избранные стихи прошлых лет. Лирика во всех её смыслах и без смысла
вовсе. Приятного прочтения.

ISBN 978-5-44-900381-2

© Гордеева А.
© Издательские решения

Содержание

В моей голове	6
Фантасмагория	7
Поцелуй на ночь	8
У каждого своё...	9
Спи, милая	10
У тела была душа	11
История одного	12
Босиком по осколкам	13
Подлунная	14
Странно	15
Крупницы	16
Он запутался между строк	18
Каменный ангел	19
Винное	20
Приходи ко мне	21
Абсолютная осень – акро	22
Жужжание	23
Слышишь?	24
Время засыпает...	25
Маки	26
Свечи не зажигай...	27
Он курит	28
Разговор с дождем	29
Ах, танцы...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Антология рифм To be continued...

Анна Гордеева

© Анна Гордеева, 2019

ISBN 978-5-4490-0381-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В моей голове

В моём воспалённом сознании Квинт Гораций
Читает мне Оды и пишет с наклоном вправо.
И, кутаясь в кофту, когда за окном плюс
двадцать,
Плюётся мохито и кличет его отравой.

В моих сумасшедших фантазиях Пенелопа
Для каждого встречного хлопком постели
стелит.
Пожар её тела, волос смолянистых копоть
Марают страницы Гомеровской Одиссеи.

В безудержном воображении, как по нотам,
Хор Ангелов в мир проливается Песней песен.
И каждый признаньем в любви надрывает
глотку,
И каждый в признаньи своём бесконечно
честен.

В моей виртуальной реальности трезвый
Мастер
Несёт Маргарите в подарок цветы и платье.
Она на метле не летает, и ей за счастье
Сидеть у камина, платки вышивая гладью.

В моей голове необузданный дует ветер,
И валит каноны, и, классиков с ног сбивая,
Летит – не сдержат ни цепями, ни прочной
клетью.
Да я и не буду, пусть образами играет.

Фантасмагория

Я напишу тебе сказку на три листа.
В ней ты, дражайшая, будешь прекрасной самой,
Мудрой царицей, взошедшей на пьедестал,
С музою исцелованными устами.

Я пропишу тебя магией странных слов,
Ты поплывёшь по листам, обретая форму.
Лебедем белым взлетая, сорвёшь покров
Неба, и месяц восстанет твоим дозорным.

Будет парить над крылом, освещая путь,
Шпили фарфоровых замков, хрустальных башен.
Дай мне в чернила перо посильней макнуть —
Рифмою пёстрой весь мир для тебя раскрашу.

В этой феерии образов и картин
Ты проживёшь для меня миллионы судеб.
Сбудутся дни. И расцветенный палантин
Снова накроет мой разум. Да, так и будет.

Поцелуй на ночь

Разговор поздний и душа просто
Покидает тело.
Нет в тебе смысла, нет его в числах,
Видно, наболело.
Разукрась лето розовым цветом
И рассветным алым.
Ранних птиц щебет, урожай щедрый
Сочиняй устало.
Сигарет горечь и вина море
Так привычно с нами.
Шагом рифм быстрым и в мазках кистью
Сохрани на память:
Пестрых штор парус, нас – ещё пару,
И прохладу ветра.
Облаков шапки и покой шаткий,
Шепот пышных веток.

Если будет мало, напиши о самом
Важном, я не против.
Вдохновенье ночи, знаю это точно,
Прошлым не испортить.

У каждого своё...

У каждого своё: вселенная и боги,
Отчаянье и боль, блаженство и любовь,
Родимые сердца, пройденные дороги,
Прожитые лета и кавалькада снов.

У каждого своё: безумие и страхи,
Скелеты страшных тайн и омуты страстей,
Осколки старых чувств и драные рубахи,
Рожденья первый крик и имя на кресте.

У каждого своё: стихи, иконы, краски,
Убитые надежды, яркие мечты,
Распахнутые души, глиняные маски,
Громады пирамид и ветхие мосты.

У каждого своё: смирение и норы,
Нечаянный восторг и серая тоска,
Глухая тишина, многоголосье хоров.
И каждому своя ведущая рука.

Спи, милая

Посвящается Миле

День суетливый укрылся за горизонтом
И прихватил переделанные дела.
Сумерки чертят на небе ажурный контур,
Ночь вышивает серебряная игла.

Волосы льются на мягкость твоей подушки,
Кожу ласкает душистая простыня.
Скоро реальность рассыплется мелкой стружкой,
В край безграничных фантазий с собой маня.

Звездная пыль на ресницы твои осядет,
И принесёт мириады волшебных снов.
Кто-то, родной и желанный, прижмётся сзади,
Тихо нашепчет тебе про свою любовь.

Мир в колыбели качает твоё сознание,
Ночь запрягает кометы в далёкий путь,
В дол бесконечных расцветов и увяданий.
Спи, пусть ничто не мешает тебе уснуть.

У тела была душа

У тела была душа, но телу хотелось больше:
пить красное, есть с ножа, святое менять
на гроши,
невинную истязать, бросая то в снег, то
в пламя.
А после стихи писать, иль то, что назвать
стихами
желала скупая плоть, не внемля мольбам
просящей.
Слова насыпала в горсть, забытые
в настоящем.

У тела была душа, но этого было мало.
И тело, опять греша, несчастную предавало.
В пространстве кривых зеркал душа
преломлялась светом,
тянулась её рука, но всё это было тщетно.
Не слышима в сотый раз, не узнана, позабыта...

Но сколько б огонь ни гас, душа будет слать
молитвы,
вливая себя в уста, взаимности ждать от тела.

У тела была душа, но больше ему хотелось...

История одного

посвящается Старухину Ю. П.

Я десятками мерил растраченные года,
Без оглядки из гнёзд надоевших летел грачом.
Я кому-то был как наказание Богом дан.
А другим, и не раз, пригодилось моё плечо.

На коленях стоял, театрально в любви клянясь.
А сейчас тех имён и не вспомню,
подавно – лиц.
Мне однажды на руки легла козырная масть,
После дом был казённый – мошенников
и убийц

Альма-матер. А мне что, ведь выбор-то
небольшой.
Но и там просквозило, теперь бесполезный
трёп.
Я к чему всё веду, потрясая сейчас душой,
Мне по жизни не так, чтоб фартит, как совсем
не прёт.

И сейчас, подобравшись к началу своей зимы,
С перебитым дыханьем и кармой что решето.
Пресловутое Я мне б хотелось сменить на МЫ.
Только снова не та, или, может быть, я не тот.

Босиком по осколкам

Босиком по осколкам веду тебя к счастью
за руку.
Ты хотела быть сильной, но стала болезненно
хрупкой.
Ты хотела плечом у плеча, но шаги всё короче
И всё реже, и ступни босые болят, кровоточат.
Я иду без оглядки, и сзади мне слышатся
стоны.
Я глазами ищу впереди наш маршрут
незнакомый.
Ты зовёшь еле слышно, но в этом сейчас мало
толка.
Я веду тебя, зная, что кожу пронзают осколки.
Потерпи, скоро выйдем к реке, и я ноги омою,
Только тянет назад слабость тонкой
безвольной рукою,
Только звуки шагов за спиною всё тише
и тише,
Ни дыханье твоё, ни призывов я больше
не слышу.
Я на руки тебя подхватил, ты как кукла
повисла.
Босиком по осколкам теперь мне идти нету
смысла.

Подлунная

Ты опять у костра молча греешь озябшие руки,
вся пропахла полынью и дымом древесной
коры. Выжидаяще замерли мысли
в начертанном круге, а за ним растекаются
реки тягучей смолы.

У шамана давно для тебя заготовлены тексты,
и мерещатся неразличимые руны в огне.
Звуки бубна взывают напевом таинственным,
резким отрешить всё мирское, душой
обратиться к луне.

За туманом сознание дикие пишет картины —
это всё, что осталось и больше, чем сможешь
принять. Бьётся сердце с шаманскою музыкой
в ритме едином, и под дланью небес ход часов
обращается вспять.

Дальше взгляда протянется лентой дорога
терзаний, и по ней, воздевая корону из звёзд
и огня, ночь придёт и с улыбкою примет твоё
подаянье – ни алмазы, ни золото, а всю, без
остатка, тебя...

Странно

Странно, может, планеты застыли в ряд?
Может, солнце потухло и космос замер?
Равнодушным стал прежде влюблённый
взгляд,
Больше нет притяжения между нами.

Больше нет пробивающей дрожь искры,
Не магнитит, не манит, не тянет ближе.
Мы пусты. Друг для друга совсем пусты,
Ты не слышишь меня, я тебя не слышу.

Раньше было так остро – тушите свет!
Заходились сердца и тела звенели.
А теперь расстояние в сотню лет.
– Ты любил меня?
– Вроде, на той неделе...
– Ты скучаешь?
– Наверно. А ты? Одна?
И секундная пауза ляжет грузом,
Плот с названием «мы» вмиг коснётся дна.
Не укрыться в каюте, задраив шлюзы.

Просто пальцев щелчок, и конец кино —
Утонул наш Титаник из хлипких досок.
Стало прошлое крепкой глухой стеной,
Переменчивой жизни плохая проза.

И планеты всё так же в плену орбит
Впопыхах бороздят необъятный космос.
И должно бы болеть, только не болит.
Может всё повторить? Нет.
Поздно.

Крупицы

посвящается моей Маме

А в сердце,
поверь мне,
гнездится чудо.
Ладони держи ковшом,
я сыпать его по крупице буду.

Мне так хорошо
не чувствовать боли и глаз не щурить,
от колкого ветра.
Сменить огрубевшую старую шкуру
на шляпку из фетра
И лёгкое полупальто.

На ногах балетки, ныряю из мая в метро,
а оттуда в лето.
Взлетаю по лестнице вверх, сторонясь
прохожих.
В кафешке пирожное – взбитый белок
и песочный коржик
тебе...

Ты голодный, я вижу, устал немного.
Чуть-чуть потерпи до снегов,
там спокойно остудишь ноги и мысли
очистишь порывом игривого ветра.
Он дерзкий, шалун, забияка, смешливый,
вредный.
Люблю его чувствовать кожей и сердцем
слушать...

Мы в будни вернёмся попозже,
как змей воздушный теряет эфирные крылья,
ложится в травы.
Мы звёздной осыпемса пылью в зените славы.
И в пригоршню кто-то другой, молодой,
соберет крупицы.
Чтоб с кем-то
тобою и мной
от души делиться.

И так же кому-то беспечно шептать про чудо.
Манить за собой и идти след во след.
Повсюду.

Он запутался между строк

Он запутался между усталых строк,
Заблудился, присел на точку.
Он смирился настолько, насколько смог.
Истерический смех клокочет,

Поднимаясь от диафрагмы вверх
И целуя больные гланды,
Памятуя про славу, былой успех
С дифирамбами про таланты.
Голос сиплый, прокуренный словно лай,
А точнее – скулеж собачий.
Снова мысль ускользает, пойдя поймай,
Бьётся вдребезги. На удачу.
Невзначай режет пальцы тетрадный лист,
И в рубиновые чернила
Он слова облакает, как мазохист.
Выжимая по капле с силой.
Снова пишет...
Мечту... Поцелуй... Рассвет...
Отрешение... Боль... Дороги...

Он запутался в точках, которых нет.
И прилёт отдохнуть на строки...

Каменный ангел

Старинный замок, занесённый пылью —
Свидетель битв угрюмый и немой.
Здесь в нише ангел мраморные крылья
Несёт с трудом за каменной спиной.

В его глазах покой сыскала вечность,
Томим тоской и тяжестью пути.
Церквей и храмов замерший предтеча
Скрестил запястья на худой груди.

Покатых плеч смиренность и покорность,
И тишиной клеймённые уста.
Когда-нибудь, возможно, очень скоро,
Скульптурный ангел сдвинется с поста.

Раскроет миру нежные ладони,
Махнет точёным мраморным крылом,
Взмывая в небо. После и не вспомнит,
Как умирал столетья в замке том.

Винное

Если б мог ты понять сейчас,
Тот, кто с крыльями на спине,
Как сквозная легка печаль,
Как не хочет тонуть в вине,
Как злорадствует по ночам
В пустоте четырех углов,
Разливаясь в пустых речах,
Проливается между слов.

Если б мог ты прийти сейчас,
Отворяя портал окон,
Оставляя на мне печать
В доказательство, что не сон.
Что травы молодой сукно,
Как надежды живой лоскут,
Что в бокале моём вино
Не вино, а шипящий брют.

Если б был ты! Помимо снов
И нетрезвого бреда вне,
Ты б не пенил виной вино,
Не искал бы вину в вине,
Не топил бы в вине печаль,
Как ни славно вокруг поют.
Ты б услышал меня сейчас,
А не где-нибудь на краю.

Ты бы в душу и в сердце вплыл,
Заполняя собою дом.
Ты бы враз остудил мой пыл
И от мира закрыл крылом,
И ловил в отраженьях стен
Эхо битого в хлам стекла.
И остался бы насовсем.
Я бы справилась. Приняла.

Приходи ко мне

по долине сонной гуляют лоси.
я воришка – звёзды таскаю с неба,
чтобы ты могла заплести их в косы.
пусть без ярких крошек весь мир ослепнет.
я серпом луны ночи вскрою вены
и сотку ковры из льняного света.
раздвигая мира земного стены,
я с собой тебя позову... ну где ты?

подожду немного, и очень скоро
в этом месте чУдном нас станет двое.
здесь лилово-пьяные пассифлоры
крУжат в дивном танце под плач гобоя.
и дельфины, хлопая плавниками,
над волной взлетают, ныряют в небо.
здесь кусок скалы – драгоценный камень.
мы его возьмём и пойдём по следу,
что тропу отметил в тенистой роще.
там нас встретят эльфы, единороги...

приходи ко мне этой тёмной ночью.
я сияньем звёзд осветил дорогу.

Абсолютная осень – акро

Посвящается Зиме

За окном серо-белый пейзаж навевает скуку,
Исхудали багряные кроны, легли коврами.
Мир стеклянный, облитый дождём, мутноват и хрупок,
Антураж золотистый горит, вьется над кострами.

Давит тяжестью хмурых небес на мосты и крыши,
А под утро хрустящею коркой блестят дороги.
Ветер вихрями пыльными ловко картины пишет
На асфальтных холстах неприглядных, совсем убогих.
Отражается в сердце унынье, и непогода

Присыпает стыдливую голь первым мокрым снегом.
Растекается где-то под свитером юркий холод,
И ничем не согреться душе: ни вином, ни пледом.
Шарф на шею ложится услужливым тёплым змеем,
Лаской горло обхватит и, вроде, немного легче.
Абсолютная осень в мои постучала двери,

И с собой принесла тёплый ужин, стихи и свечи.

Жужжание

Ты листаешь прохожих, их взгляды касаются
кожи.
Эфемерные руки сомкнулись невидимым
кругом.
И, не будучи трусом, себя ворошишь, словно
мусор,
В истеричной надежде найти то, что
чувствовал прежде.
В непрерывном движении скулят заржавевшие
звенья,
И на память упрямо ложатся часов
килограммы,
Километры недель и закрытые наглухо двери,
Отпечаток ладони, что гладкое дерево помнит.
Ты же помнишь чуть больше, чуть ярче
и чуточку дольше.
Но и этого мало. Шагами считая кварталы,
Ты опять мимо взглядов, как будто меняя
наряды,
Улыбнёшься... и вспышка – весёлый и бойкий
парнишка,
Руки, длинные пальцы... Немного бы здесь
задержаться.
Но от взглядов прохожих зудит обожжённая
кожа.
И жужжит монотонно тоска опустевшего дома.

Слышишь?

Слышишь, как в старом парке скрипят качели
Ветер их потревожил, ему не спится.
Видишь, как час за часом текут недели?
Вроде бы новый день, но все те же лица.
Знаешь, туман бывает противно липким?
Смог с каждым вздохом мне разъедает глотку.
Чувствуешь, как на сердце рыдает скрипка?
Хочется закурить, опрокинуть сотку.
Веришь, я безнадежно влюбленный в небо.
Мне бы его обнять, только сил не хватит.
Помнишь, каким я в юности был нелепым.
Все, что хотел сказать, лишь писал в тетради.
Ждешь? Нет, уже не ждешь, видно отболело.
Время ушло, сменяют друг друга люди.
Видишь, опять не в срок зацвела омела?
Слышишь, меня здесь нет, и уже не будет.

Время засыпает...

Посвящается Намычу

Время засыпает у костра,
В треск поленьев кутаясь устало.
Времени тепла сегодня мало,
Холодом стекает ночь с куста.

Тянется по веткам дым разлук,
Мягкое свечение тревоги
Не спеша ласкает чьи-то ноги,
Избранных очерчивая круг.

Сломанным сучком летит тоска,
Растворяясь в пламенном потоке.
А тебе на ум приходят строки
Про друзей, любимую, кота.

Про раскопки, тайны пирамид,
Крах империй, смерть цивилизаций.
А всего-то хочется прижаться
К той, кто далеко и мирно спит.

Ранить сонной музыкой костра
Мир её полночно тихой спальни
И коснуться копотью и гарью
Белого невинного листа.

Оставляя запах бытия
На молочной теплой нежной коже,
Прочь уйти неузнанным прохожим...
Время засыпает у огня...

Маки

Мой первый транш размером ровно две страницы,
я чту с тобою заключённый договор.
От недобора слов не грех и застрелиться,
не окунаясь в неминуемый позор.
Я спешно в списки соберу остатки мыслей,
вправляя вывих недвижимого крыла.
И за секунду до того, как грянет выстрел,
сгорят печатные терзания дотла.
Немного тайны, что там было – стало прошлым.
Тебе до прошлого теперь и дела нет,
ты почтальона ждать устал с заветной ношей —
за сроком давности неузнанный секрет.
На пыльных чувствах несудьба рисует знаки,
и пустоту пленит миражное лассо.
Где были мы с тобой, теперь пылают маки,
а тишина сменяет шёпот голосов...

Свечи не зажигай...

Пусть за окном черно
свечи не зажигай.
Я буду плыть во мраке – такой каприз.
Правда, не так давно,
был на душе январь,
снилась пустая, прежде чужая высь.
Только сейчас бы вверх,
лихо грозу седлать
шпоры в бока, поводья сжимать в руках...
Да, будет лишним свет
свечи не трать пока
здесь темнота обманчива и легка.
Взглядом глотаю ночь —
сумрачное кино
там за стеклом сеанс будет до утра.
Я напишу саундтрек —
скрипка и в ля-минор
пальцами по запястьям, и пульс считать.
Ты мне прочтешь стихи,
классиков я люблю
в голос твой окунусь с головы до пят.
Мягко скользнёт в плей-лист
летний полночный блюз
я прокручу его много раз подряд.
Боже, чего ты ждёшь?
Свечи зажги скорей!
Видишь же, я без света с ума схожу!
Пью без закуски ночь
лью для тебя елей.
Взял бы хоть раз и сделал, как я прошу...

Он курит

Он курит...
в глазах не оттенком, но сутью сталь.
Решение принято – дальше дороги нет.
И то, что казалось незыблемым, как хрусталь
искрящейся крошкой под пеплом от сигарет.
Он выпьет немного. Хотя, кто считал стакан?
Ему не до цифр... не сейчас, коли под откос
всё катится, только, гранёный зажав, рука
дрожит, выдавая отчаянье и невроз.
Кульбитами сердце в груди разгоняет кровь.
Проститься —
что проще?
А проще ли?
Кто бы знал...
Он курит и пальцем сухим потирает бровь,
Он пьёт, потому что устал... от всего устал.
На пыльной столешнице скупно как и в душе.
И стержень чуть треснул, но, черти его деря,
решение есть!
И он принял его уже – уйти.
В никуда.
Остальное – огнём гори...

Разговор с дождем

Поговорю с дождем о прошлом,
В себя вбирая капель звуки.
Он приласкает осторожно
Мои нагие плечи, руки.

Прикрытых век слегка касаясь,
Расскажет о былом и вечном.
Микро салютами взрываясь
В признаниях чистосердечных.

Утонут капли в водной глади,
На смену им придут другие.
Он в откровениях не жаден,
Покорно примет и чужие.

Со мной всегда готов поплакать
И посмеяться звонким боем.
А недовольство свое знаком
Укажет гром над головою.

Поговорю с дождем, и где-то
В душе становится мне легче.
С заходом солнца. До рассвета.
Наш разговор о прошлом, вечном.

Ах, танцы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.